
РОССИЙСКОЕ ЭХО МИРОВОГО КРИЗИСА

С. А. Шаракшанэ

Аналитических материалов на тему кризиса много, постараемся не повторять общеизвестного. Главное – малоизвестное и практически не осмысленное – падение российских олигархов: и как владельцев капиталов, и как руководящей и направляющей силы общества, какой они были после КПСС.

Завладев по итогам приватизации крупнейшими состояниями, российские олигархи, как хорошо известно, не стали заниматься подъемом российского производства, его модернизацией, а включились в худшие механизмы мирового финансового капитализма. Поэтому когда он рухнул и остановились те механизмы, рухнули и многомиллиардные состояния «наших». Но это – часть события. Другая часть в том, что наши олигархи сегодня должны за границей полтриллиона долларов – им западные банки до сих пор охотно давали кредиты, поскольку все были убеждены в устойчивости цен на нефть, то есть в платежеспособности российских заемщиков. С приходом кризиса банки-кредиторы потребовали денежки, их отдавать было неоткуда, только по процентам в этом году надо отдать 200 млрд долларов, олигархи побежали за помощью к Кремлю, и именно в этом контексте понятны слова помощника Президента РФ А. Дворковича: «Власть хочет видеть от бизнеса принятие ответственности на себя. Сейчас не нужно бегать к государству за помощью. Государство помощь не окажет. Никого спасать не будем. Нужно брать на себя ответственность и работать более эффективно» (27 февраля 2009 г., Красноярский форум). Справедливые слова, но почему-то датированные не 2000 г.: то есть, надо понимать, все последние восемь лет и бегали к государству за помощью, и получали ее, и государство спасало определенный круг лиц, а сейчас оно решило прекратить такую практику.

Слово «социализм» зазвучало во всех странах – не в смысле сталинского социализма, а в смысле вмешательства государства в финансовый произвол, который довел планету до катастрофы. Банковская финансовая целесообразность – краткосрочная и среднесрочная – очень сильно расходится с коренными интересами стран и их населения, и это можно до поры до времени терпеть, но пришел момент обрушения, и государства вынуждены предпринимать действия, по природе своей социалистические: госрегулирование в экономике, национализация крупнейших субъектов рынка, искусственное сохранение рабочих мест и т. д. Мы дожили – надо же! – до мировой социалистической революции, только производимой не пролетариатом и не пролетарскими партиями, а самими буржуазными правительствами стран.

Вот и у нас буквально «кричат» задачи для немедленного вмешательства госрегулирования, задачи, от которых до сих пор отворачивались макроэкономисты-монетаристы: надо ломать ситуацию, когда основа экономики – сырьевой экспорт,

надо модернизировать производство на основе высоких технологий (ничего этого на практике частные владельцы предприятий не делают, хотя в новостях про это говорится много), надо круто повернуть курс на импортозамещение, надо шестой части суши стать, наконец, главным экспортером сельхозпродукции (тем более что мировые цены на нее кратно взлетают), а не быть территорией некошенных трав, непаханных полей, разрушенных скотных дворов, деревень-призраков и т. д.

Но ничего этого сейчас государство делать не может – некогда: кризис зажал в тиски других срочнейших задач. Во-первых, за долги, взятые ранее на Западе российскими частными владельцами, вот-вот может уйти из российской собственности вся стратегическая промышленность страны, поэтому власть с головой ушла в дела проблемных предприятий и срочно национализует убытки. Во-вторых, как хорошо известно, принятый (в благих целях предотвращения ухода капиталов за рубеж) высокий процент банковского кредита лишил возможности промышленные предприятия взять кредит, что грозит реальному сектору российской экономики скорой кончиной. В-третьих, на улице оказалось уже 6 миллионов безработных, они идут в магазин, а цены там взлетают, поскольку все импортное привязано к доллару, а доллар подскочил в полтора раза, то есть социальная среда нагревается. То есть никаким госрегулированием государство заниматься не может, латая в пожарном порядке пробоины национального значения.

А ведь вспомним: на момент конца президентства Путина говорилось, что срочные проблемы политической стабилизации, оставшиеся после ельцинского правления, не дали возможности заниматься сверхважными для страны задачами, такими как демография (продолжается отток населения из Сибири и Дальнего Востока, теперь за Уралом у нас меньше одного человека на км²; для сопоставления: сразу за границей, в Китае, – более 300 человек на км²), транспортная инфраструктура и т. д. и т. п. Сейчас тот судьбоносный список отодвинулся даже не на второй, а на третий план – власти уж совсем не до него.

Но, может быть, самая срочная задача – изменение архитектуры власти, то есть власти без влияния олигархов. Это – совершенно новое! При Ельцине олигархи ногой открывали двери в Кремле и в правительстве и заставили власть ежегодно уменьшать долю социального в бюджете страны (что фактически было государственным переворотом, поскольку по Конституции у нас «социальное государство»); Путину удалось повернуть эту тенденцию вспять, он отодвинул олигархов от власти, но увы: они по-прежнему имели прямую трубу из бюджета в свой карман, поскольку их состояние, как хорошо известно, все два срока Путина увеличилось на треть в год – беспрецедентно на фоне всей планеты! Сегодня олигархи идут с протянутой рукой к власти и с мольбами о помощи, то есть их влияние на власть завершается, олигархи как экономический и политический противовес всему народу отпадают, и какова же теперь архитектура власти? К этому никто не готов, то есть властные коридоры заняты неожиданными и сложнейшими «дворцовыми» интригами и перестановками, которые всегда в истории государства российского имели решающее значение для судеб страны. Кстати, в том числе и весь тщательно продуманный комплект смысла при переходе президентской власти от Путина к Медведеву также неожиданно и кардинально изменился, но вдаваться в это не будем.

Самое во всем этом важное – фатальная необратимость! Не вернется вчерашнее благополучие! Если по поводу цен на нефть есть ожидания, что они вновь поползут вверх, то по поводу мирового финансового кризиса можно смело сказать: он не кончится никогда! Или по-другому: кризис кончится, но с полным изменением мировой экономики, и никак иначе. Преодолеть кризис – это значит убрать на будущее глобальный финансово-спекулятивный характер мировой экономики, экономики мыльных пузырей. Тут сократим изложение и отошлем читателя к прекрасным аналитическим материалам, их сейчас изобилие. Скажем лишь, что основная схема роста мировой экономики за счет кредитования населения (что, в частности, сделало США 40-процентным потребителем в мире, что довело размер мировой ипотеки до 10 трлн долларов и т. д.) уперлась в потолок, то есть в невозврат кредитов, и рухнула, в этом виде данная схема больше возродиться не сможет, а значит, мировой экономике предстоят кардинальные изменения. И спекулятивные финансовые инструменты, делающие возможными планетарные мыльные пузыри (за последние двадцать лет, например, общая задолженность США выросла с 11 до 48 трлн долларов, то есть сами США – один большой мыльный пузырь с ядерным оружием), также должны быть изъяты из мировой практики, что явно не произойдет легко и скоро. Иными словами – вернемся к российской действительности, – власть олигархов, которые были полпредами в нашей стране мировой финансовой спекуляции, у нас завершилась неожиданно, молниеносно, необратимо и без народной революции.

Знает ли наша власть, что в этой ситуации делать? Судя по множеству заявлений, которые не подтверждались буквально через два-три месяца, – нет. Судя по тому, что триллионы, направленные на преодоление последствий кризиса, за полгода так и не дошли до промышленных предприятий (что обнажилось на февральском Красноярском экономическом форуме), – нет. Судя по тому, что эти триллионы переведены в доллары и прибыль качается элементарно за счет изменения курса доллара, и власть ничего не может с этим поделать, – нет. Кстати, не в этом ли причина, что нам изо дня в день повторяют: кризис затянется, это надолго? Так власть пытается выиграть люфт для овладения ситуацией. Впрочем, растерянность власти – не чисто российское явление, во всем мире правительства не имеют стратегии по выходу из кризиса, а срочно предпринимаемые меры не срабатывают.

По крайней мере в качестве первоочередного нужно предотвратить «ба-бах»: облегчить положение без вины терпящего бедствие народа, то есть сделать так, чтобы принятые ранее социальные программы работали в полную меру, а малый бизнес удержал бы достаточное количество рабочих мест. Увы! Бюрократическая опухоль, гипертрофированно выросшая в предшествующие годы, заблокировала эти естественные меры. Сейчас в печати цитируются слова президента Национального резервного банка Александра Лебедева (сказанные им в передаче «Си-Эн-Эн»), что за годы правления Путина бюрократия разворовала 500 млрд долларов. Можно ли быстро преодолеть этот коррупционный бастион, который кратно снижает социальный эффект от государственных социальных программ и от малого бизнеса? Этот госаппарат, сделавший в предшествующие годы ментальный поворот на обслуживание олигархов, на идеологию монетаристского управления, не сможет в короткие сроки перейти на идеологию госрегулирования в интересах страны и большинства населения.

Что же делать? «Дайте мне точку опоры, и я переверну мир». Для преобразований, которых требует от власти как нынешний поворот планеты в целом, так и поворот нашей страны, нужна точка опоры. Может быть, она в твердом характере первых лиц политики? Разумеется, мы на них надеемся. Но события последнего полугодия показывают, что очень многое из самого важного выходит из управления, несмотря ни на какую твердость характера капитанов политики. Следовательно, точка опоры должна быть также политической, а не только характерной! Это – социал-демократия. Социал-демократия – политический курс в интересах трудового большинства населения, но без насилия, репрессий, лагерей, штыковых атак; это курс, признающий рынок и частную собственность, курс социального компромисса. Поразительно, что в России сочли целесообразным иметь милицию, в четыре раза по численности превосходящую армию, но не иметь социал-демократическую политическую инфраструктуру. Парадоксы здесь бросаются в глаза. Социал-демократическую партию России, прошедшую восьмилетнюю дистанцию становления – что бесценно, – Минюст полтора года назад не перерегистрировал (то есть закрыл) за якобы неисполнение численных параметров. Само это решение спорно, так как проверка в городах происходила так: днем звонили по списку по домашним телефонам, если телефон не отвечал, фамилию из списка вычеркивали. В результате из 45 субъектов Федерации, как это нужно по закону, недосчитались численности лишь в одном, то есть чуть-чуть недобрали до необходимых 50 тыс. членов партии. И что же? Сейчас вдруг разрешили занизить требование до 40 тыс. членов – но ряды-то партии уже разорены! Можно посчитать это мелкой накладкой или чьей-то мелкой недоработкой, если бы «подножка» не была сделана в стратегической для страны точке – той самой точке опоры, опираясь на которую можно было бы вводить госрегулирование в важнейших сферах жизни страны, преодолевая тотальное сопротивление чиновного аппарата. Нам нужна мощная линия социал-демократии в российской политике, а иначе выхода два: либо по инерции продолжать монетаризм, который для нас, как уже ясно, гроб с музыкой, либо дожидаться петуха и топора.

Не так давно, с исчезновением социалистического лагеря, люди удивлялись: ну надо же, капитализм победил на всей планете! Неужели социализм настолько нежизнен, а капитализм настолько отвечает глубинной человеческой природе? И вот, пожалуйста: перед нами смрадная пасть транснационального капитала – доигрались. Человечество увидело сталинский социализм – и отвергло его, увидело спекулятивно-финансовый капитализм и сегодня отвергает его. Но третьего не дано! Значит, конвергенция – наше будущее. Наряду с понятием «государственный капитализм» надо будет осваивать нечто похожее на «государственный социализм», когда социал-демократическую политику проводит не только партия, а само государство, но с опорой на развитую социал-демократическую политическую инфраструктуру в обществе.

Как мы в России, в российских коридорах власти сделаем этот поворот, да еще в условиях цейтнота – сначала в осознании, а затем в практике, в политике, – вот вопрос!